

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ, ГЕРОЙ ВНЕ ВРЕМЕНИ ИЛИ ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА – QUI PRO QUO?

О.А. Джумайло

Аннотация. Предлагаемая в статье дискуссия продолжает тему номера. Свои размышления о герое и героическом предложили профессиональные историки из России и Великобритании, имеющие разные политические взгляды и заметно отличающиеся методологические подходы. Многообразные типологии героев, примеры способности героя быть выдающейся личностью своего времени, становиться символом, выражать опыт типичного представителя своей эпохи, сопровождались оригинальными комментариями на материале истории, классической и популярной литературы и культуры.

Участники дискуссии стремились определить точки сближения между сходными, но далеко не синонимичными понятиями «герой», «лидер общественного мнения», «харизматик», «анти-герой», нюансировать смысловые демаркации между этими понятиями, указать на их подвижность в связи с изменчивостью социокультурного контекста. Разговор о герое затрагивал распространенные академические представления о героическом, в особенности, архетипические и историко-культурные модели, однако не ограничивался ими. Особую метакритическую и аналитическую составляющую внес в разговор вопрос о темпоральной составляющей в восприятии и осмыслении феномена героизма, о наиболее существенных отличиях современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных». Масштабный вопрос о специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов, возможно, послужит поводом для нового поворота в области «науки о героизме», в настоящее время активно развивающегося гуманитарного поля в зарубежных исследованиях.

Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» затрагивает как академическую науку, так и области практического действия и гражданских инициатив, а также связывает данный раздел журнала с недавними публикационными проектами и конференциями в России и за рубежом.

Ключевые слова: герой своего времени, героизм, наука о героизме, великие личности в истории, типы и типологии героев.

Джумайло Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и истории мировой литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, oadzhumaylo@sfnedu.ru.

Вопросы дискуссии:

1. Герой своего времени – экстраординарная личность, человек-символ или типичный представитель своей эпохи?
2. Герой, лидер общественного мнения, харизматик, не-герой, анти-герой – каковы смысловые демаркации между этими понятиями, и в какой мере их подвижность зависит от изменчивости социокультурного контекста (возможно ли выделение некоего «сухого остатка», архетипических представлений о героизме, свойственных всем культурам и цивилизациям без исключения)?
3. Важна ли (и если да, то почему?) темпоральная составляющая в восприятии и осмыслении феномена героизма? В чем состоят наиболее существенные отличия современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных»?
4. Можно ли говорить о некоторой специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов?
5. Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» – симптом потребности в общественно-политических изменениях и/или часть современной культуры ностальгии? Кто «герой вашего времени»?

Участники:

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского Отделения РАН.

Симонов Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

Кобрин Кирилл Рафаилович, кандидат исторических наук, редактор журнала «Неприкосновенный Запас», приглашенный профессор Сычуаньского университета (КНР).

Клеес Грегори, профессор, преподаватель истории и истории политической мысли Лондонского университета (Великобритания).

HERO OF HIS TIME, HERO FOR ALL TIMES OR HERO WITHOUT TIMING – QUI PRO QUO?

O.A. Dzhumaylo

Abstract. The discussion offered in the paper develops the theme of the issue. Professional historians from Russia and the Great Britain, who have different political views and markedly different methodological approaches, offered their reflections on the hero and the heroic. Diverse typologies of heroes, examples of the hero's ability to be an outstanding personality of his time, to become a symbol, to express the experience of a typical representative of his era, were accompanied by original comments on the material of history, classical and popular literature and culture.

The participants sought to identify points of convergence between similar, but not synonymous concepts of "hero", "leader of public opinion", "charismatic", "anti-hero", to nuance the semantic demarcation between these concepts, to point to their flexibility in connection with the variability of the socio-cultural context. The talk about the hero touched upon widespread academic ideas about the heroic, especially archetypal and historical-cultural models, but was not limited to them. A special metacritical and analytical component was introduced into the conversation by the question of the temporal component in the perception and understanding of the phenomenon of heroism.

The participants argued the most significant differences between modern ideas (in the broad socio-cultural sense of the word) about heroes from the "pre-modern" ones.

The large-scale question about the specifics of the processes and mechanisms of formation of the domestic pantheon of heroes in comparison with the cultural traditions of other countries and peoples may introduce a new turn in the field of "heroism science", currently actively developing humanitarian field in foreign studies.

The revival of the discussion around the phenomenon of "the hero of our time" affects both academic science and the field of practical action and civic initiatives, as well as links this section of the journal with recent publication projects and conferences in Russia and abroad.

Keywords: hero of his own time, heroism, Heroism Science, great people in history, types and typologies of heroes.

Dzhumaylo Olga A., Doctor of Science (Philology), Head of the Department of World Literature, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, oadzhumaylo@sfnedu.ru.

Issues of Discussion:

1. Hero of his own time. Is he the extraordinary personality, symbolic figure or a typical representative of his time?
2. Hero, public leader, charismatic personality, non-hero, anti-hero. How to differ among them? Does the changeable social and cultural context matter? Is it possible to talk about some archetypal ideas in relation to hero, which are shared in different cultures and civilizations?
3. Is it important to take temporal aspect into account when talking about heroism? If yes, why? What are the most vivid differences (in the broad social and cultural sense) between the contemporary idea of hero and its premodern variant?
4. Can we talk about any specifics of the formation of Russian pantheon of heroes in comparison with cultural traditions of other countries?
5. Can a revitalizing of the discussion around the phenomenon of hero of his own time be a symptom of craving for social and political change and/or can it be an element of nostalgia? Who can you name as hero of your time?

Discussants:

Ivanenko Anton E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Savin Andrey I., Candidate of Science (History), senior researcher, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science.

Simonov Dmitry G., Candidate of Science (History), Deputy Director for Research, Institute of History at Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Associate Professor at Russian history department of Novosibirsk State University.

Kobrin Kirill R., Candidate of Science (History), Editor of intellectual journal 'Neprikosnovenny Zapas', Visiting Professor at Sichuan University (PRC).

Claeys Gregory, Professor of the History of Political Thought at Royal Holloway, University of London (UK).

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Томас Карлейль в знаменитой серии лекций 1841 г. о героях и поклонении им сожалел о пагубном влиянии прогресса и просвещения на героическое. Два столетия спустя Жорж Батай взывал к необходимости «возродить харизму и миф», чтобы они послужили спасительным противовесом тенденциям современной эпохи. Но именно Джозеф Кэмпбелл в своем исследовании «Тысячеликий герой» (1949) к неудовольствию многих легко нарушает границы «великого» и «повседневного» героизма, говоря о том, что путь героя может стать *путем каждого* [Campbell, 2004], чем открывает путь к пониманию, пожалуй, самого популярного ныне толкования «героя нашего времени».

Концептуализация «героя» сегодня как никогда далека от фиксации. Амплитуда репрезентаций героического в современной культуре широка: от экстраординарных до вполне типических представителей человечества (включая полубогов и «маленьких» героев); от героя как воплощения совершенства до изгоя и преступника, ставшего на путь добра; от героев, масштаб деяний которых человечество и универсум, до героев, избавившихся от пагубных пристрастий и героев-неудачников; от героев бунтарей и одиночек, до народных героев и т.д. и т.п. Различные героические идентичности не только сосуществуют, но входят в разнообразные сцепки с антигероями, чьи лики так же многочисленны.

Для нас, в контексте предложенной в этом номере дискуссии на «героическую» тему, не менее интересен ее рецептивный поворот *qui pro quo*. Иными словами, так же важно понимать *кто* говорит о герое и как профессиональная и академическая позиция (или ее отсутствие) влияет на этот разговор.

Согласно недавнему исследованию Аллисона и Гетелса, проводивших опросы для своей книги «Heroes: What they do and why we need them» (2011), среди определяемых как «герои» оказалось 34% героев популярных книг и (мульти)фильмов, а среди не вымышленных героев лидировали не великие политические деятели и главы государств прошлого и настоящего (3%), духовные учителя и подвижники (6%), известные медийные личности (4%), а члены семьи опрашиваемых (32%) [Allison, Goethals, 2011, p. 26]. Выводы ученых, исследователей в области психологии лидерства, в отношении «героя нашего времени», как его видит простой американец, могут быть приняты с серьезными оговорками. И все же они заслуживают внимания: «Будь то правители, родители, божества или учителя, герои описываются как мужественные, бескорыстные и способные применить свой талант во благо других. Слава не обязательно сопутствует героизму. Мы признаем невоспетых героев, которые трудятся в безвестности, и чьи действия надолго меняют жизнь их окружения. Мы также видим героизм в людях, которые не стремились стать героями. Интересно, что героями становятся и те, кто совершают экстраординарные поступки [...], и те, кто делают вещи, знакомые каждому человеку, такие как борьба с болезнью или смертельным недугом. Последние становятся героями, справляясь с этими общими для всех людей проблемами с необычайным мужеством и достоинством» [Allison, Goethals, 2011, pp. 28–29].

Приведенный пример любопытен сразу в нескольких отношениях: очевидно, что «герои» широкой публики заметно отличаются от пантеона «героев» профессионально ориентированного академического сообщества; но и внутри академии также заметны акцентные — психологи, философы, историки, литературоведы, социологи медиа и т.д. по-разному видят «объект, предмет и материал исследования», как впрочем, и его научный «пафос»; при многочисленных разногласиях в определении отношений «героя» и контекста, в котором он возникает (художественный, бытовой, исторический?), «героя» и общественного блага, «героя» и толпы, медийной славы, общественного резонанса и пр. — парадоксально, что базовое понятие «героического» продолжает бытовать в наше время в своей архетипической формулировке. Так, героями современная широкая аудитория и академическая публика считает умных, сильных, надежных, жизнелюбивых, проявляющих заботу о других, харизматичных, самоотверженных и вдохновляющих лидеров [Kinsella, Ritchie, and Igou, 2015a].

Более того, в «прозаических» либерально-капиталистических обществах, по замечанию Алана Блума, в которых гражданское общество предано идее безопасности и комфорта, и «нельзя ожидать, что привычка к самосохранению создаст плодородную почву для героизма или вдохновения. ... тот, кто придерживается экономического взгляда на человека, не имеет твердой веры в его достоинство или особую миссию искусства и науки» [цит. по Hollander, 2016, p. 24]. Следовательно, героем становится любой, кто в известной мере «выпадает» из современного времени, транслирует «идеалистические» ценности, пренебрегает личным комфортом.

С 2016 г., под влиянием идей гуманистической позитивной психологии и деятельности групп активистов, а также в связи с интересом к феномену героического в социальных дисциплинах, начинает издаваться журнал *Heroism Science: An Interdisciplinary Journal*. Среди пионеров современной «науки о героизме» называют Зено Франко и Фила Зимбардо [Franco, Zimbardo, 2006], выступивших с прозвучавшей в академических кругах статьей о «банальности героизма» (экивок в сторону «банальности зла» Арендт), и позже предложивших систему понятий новой науки [Franco, Blau, Zimbardo, 2011], открывающей путь в герои любому достойному человеку. Моральные аспекты героического также осмысляются в работе Уокера [Walker, 2014]. Близкие идеи, но с упором на связь героизма и лидерства, наставничества, гражданственности, находим в нескольких крупных работах уже упомянутых нами Аллисона и Гетелса [Allison, Goethals, 2011; 2013]. Европейские исследования феномена героизма последних лет связаны с современной рецепцией героев и паттернами героического: используются как архетипические юнгианские [Izod, 2003], так и когнитивные подходы в анализе восприятия публикой прототипических характеристик героев [Kinsella, Ritchie and Igou, 2015b].

Наука о героизме (*Heroism Science*) позиционирует себя как междисциплинарная сфера исследований, охватывающих столь разные области теории и практики как позитивная психология, этика, социология, социальная психология, цифровые гуманитарные науки, философия, право и политические науки, семиотика, лидерство, менеджмент, и, даже, эволюционная биология и сестринское дело. Если

конференция 2016 г., посвященная перспективам науки о героизме, состоявшаяся в Перте (Австралия) имела социальные, психологические и политологические акценты в трактовке героизма, то проведенная в 2018 г. журналом «Новое литературное обозрение» конференция «Герой нашего времени»: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности» дала голос историкам, социологам, исследователям медиа. Разговор в том же году о героях продолжил «Международный журнал исследований культуры», выпустивший спецномер на эту тему.

Современные ученые-психологи видят в героях воплощение фундаментальных духовных потребностей человека [Kinsella, Ritchie, Igou, 2015b]. Более того, все чаще говорится о том, что все человечество (а не только его избранные представители, обладающие исключительным нравственным совершенством) способно на героизм [Franco, Blau, Zimbardo, 2011]. Среди новых и весьма неожиданных подходов к героизму – исследования ДНК человека с целью обнаружить ген героизма [Efthimiou, 2015].

Концепции антропологов-компаративистов, снова и снова отсылающие к историческому труду Кэмпбелла, подчеркивают универсальность прототипической модели мономифа (уход-инициация-возвращение) на основе ее бесчисленных вариаций. Примечательно, что среди них есть и исследователи феномена лидерства в социальных, экономических и политических сферах. Для них мономиф о пути героя дает важнейший ключ к пониманию значения наставничества (мудрецов и помощников героя), без которого невозможно «рождение» героя, а вместе с ним, и перемен в обществе, самого движения истории [Allison and Smith, 2015]. Разнообразные аспекты героя в связи с наставничеством, а также потребностью каждого человека в объекте для восхищения и подражания, имеют и свой научный дискурс.

Не стоит игнорировать злободневность обращения ученых к специфике культа политического лидера («political hero worship» в терминологии Холландера) и переживаемый американскими интеллектуалами шок в связи с феноменом популярности Дональда Трампа, которая привела его к посту президента [Hollander, 2016, p. ix], во многом опровергла основы науки о героизме.

В связи с этим необходимо отметить, что так называемый объективный подход в науке о героизме подчеркивает нравственную основу подвига героя «во имя добра», его экстраординарность, готовность пойти на страшные испытания и принести себя в жертву [Franco, 2011; Kohen, 2015]. Субъективный подход к герою проблематизирует само понятие «добра» и «блага», во имя которых свершается геройский поступок, вопрошает о мере экстраординарности, жертвенности, риска, достаточных, чтобы говорить о рождении героя. Более того, в разных контекстах и с разных перспектив бывшие герои могут выглядеть сомнительно: «Для «своих» герой может воплощать священные ценности, для «чужих» – безумие и ужас. Со стороны герой-революционер и герой, приносящий себя в жертву, легко предстают в облике террориста, ненормального или преступника» [Giesen, 2004, p. 18].

Если «герой появляется в восхищенных глазах» [Allison and Goethals, 2011, p. 196], то важно понять в чьих? Именно поэтому героями молодых скорее станут талантливые и знаменитые, а героями более старшего поколения – те, кто верен высоким нравственным идеалам. Личный пантеон героев меняется также под влиянием подвижных культурных и социальных конструктов [Goethals and Allison, 2012]. Примером полемической критики великих героев литературы, которые «всегда жаждут доминирования, используют грубую силу и готовы на разрушение», стала монография Марджери Хуриан «Deconstructing the hero: literary theory and children's literature» (1997), проблематизирующая расистские, гендерные, классовые и пр. стереотипы, понижающие тексты «основного списка» детской классики. Автор утверждает, что на смену старым литературным героям должны прийти новые, кто «уважают природу, а также мужчин и женщин, принадлежащих разным культурам» [Hourihanm, 1997, pp. 236–237].

Знаменателен выход в 2017 г. шестисотстраничного академического издания *Handbook of Heroism and Heroic Leadership*. В эру исчезающих ожиданий того, что лидерство основано на нравственных ценностях и подлинном героизме, интерес к «истокам», «типам» и «становлению героизма» (названия разделов книги), проявленный целой группой исследователей, воскрешающих во многом девальвированные посткапиталистической эпохой понятия морали, мужества, альтруизма, духовности и подвижничества, заставляет задуматься. Вопреки повсеместной утрате единства взглядов на разделяемые в обществе ценности, в особенности остро ощущающимся сейчас [Griffin, 2007], вопреки известному утверждению Артура Шлезингера о том, что после «отвратительных в своем величии» политических лидеров трагического XX в. «наш век будет эпохой без героев» [цит. по: Hollander, 2016], жажда поклонения «героям» не оставляет современное общество.

Нюансировка героического в научных исследованиях поразительна [Allison, Goethals, Kramer 2017, p. 5]: импульсивные реактивные герои отделяются от рефлексивных проактивных герои «эпизода» от героев «каждого дня», герои с биографией от культурных, герои-воины от гражданских героев [Franco, 2011], проявляющие отвагу против проявляющих заботу [Walker and Frimer, 2007], не говоря о бесконечно расширяющейся вселенной литературных героев. Последние представлены в оригинальной систематике классического труда теоретика литературы Нортропа Фрая «Анатомия критики» (1957), показавшего движение человечества в истории культуры от героев-полубогов мифа и героического эпоса до трагедийных героев высокого и низкого мимесиса и «маленьких героев» последних столетий, вовсе неспособных на изменение мира [Frye, 1957]. Известный своими работами о героях и антигероях Виктор Бромберт в отношении последних добавляет: «Литература девятнадцатого и двадцатого веков наводнена слабыми, ничтожными, униженными, сомневающимися в себе, ни на что не годными, иногда жалкими персонажами, невыносимо страдающими от осознания собственной ничтожности и парализующей их поступки иронией» [Brombert, 1999, p. 2]. Такие персонажи, самым ярким из которых становится «подпольный герой» Достоевского не соответствуют

традиционным моделям героических фигур прошлого, но так же «идеалистически заострены» в своем мучительном поиске «я», абсолюта, веры и вызывают не меньший культурный резонанс.

Очевидно, что в основе восхищения героями также лежит не только известная с античности потребность человека быть свидетелем подвига, но и демонстрация исключительной ранимости: от классических драм, публичных заявлений и «смерти на миру» до современных (подчас циничных в своей манипулятивности) медиаспектаклей. Если Карлейль полагал, что общество основывается на поклонении герою, становящемуся близким божеству благодаря своим исключительным проявлениям мужества и силы ума, то нет ничего удивительного в том, что именно экранные, эстетизированные до «культовых», образы и биографии реальных и вымышленных героев вызывают восхищение современного обывателя. Как отмечает Джон Изод в своей монографии «Myth, Mind and the Screen. Understanding the heroes of our times» (2003), самые яркие вымышленные киногерои, на долгие годы входящие в популярный дискурс и узнаваемые многими, становятся объектом славы и поклонения [Izod, 2003].

И вновь Кэмпбелл, некогда побудивший Лукаса на создание «Звездных войн», становится настольной книгой теперь уже крепкого сценариста, который знает, что успешный сюжет всегда держится на герое, рассказе о его пути и сражении с враждебными силами; к тому же большая часть этих сценариев о внутреннем пути от отчаяния к надежде, от слабости к силе, от ошибочных суждений к подлинной мудрости, от любви к ненависти и снова к любви. Именно глубокое переживание и духовная трансформация героя «завораживают зрителя и делают историю стоящей» [Vogler, 2007, p. 7].

Исключительная зрелищность героизма связывает его с близким, но далеко не тождественным ему культом селебрити. Задолго до появления телевидения и социальных сетей автор книги «The Hero in History» (1943) Сидни Хук писал: «Сегодня, как никогда раньше, вера в героя – это синтетический продукт. Тот, кто контролирует микрофоны и печатные станки, может сделать или разрушить веру за одну ночь. ... Современное поклонение героям (в том числе и знаменитостям не из числа политиков) имеет привнесенный компонент, создаваемый новыми инструментами пропаганды, технологиями рекламы и “связей с общественностью”» [Hook, 1943, p. 10].

Распространенное мнение о селебрити заключается в том, что в противоположность выдающейся личности героя, способной изменить историю и жизнь нации, знаменитость целиком определяется инструментализацией образа. Однако сейчас многими исследователями оспаривается традиционное противопоставление героев и селебрити [Boorstin, 1961] как тех, кто известен благодаря своим исключительным талантам и истинным достижениям, и «продуктов» медиа. Совершенно очевидно, что если репутация подлинных героев поддерживается восхищенной толпой, то и ее осведомленность – это нередко результат присутствия имен героев

в популярных медиа [van Krieken, 2012]. Специалистам в области медиа вторят социологи литературы и историки культуры, утверждающие, что современный этап культа героинства связан с выраженным индивидуализмом романтиков. Как известно, романтики были вынуждены добиваться признания в ситуации быстро растущего литературного рынка, но при этом стремились сохранить свое «Я», прибегая к паблисити и работе с личным образом, отчасти совпадающим с впечатляющим «профилем» героев их произведений. Одним из следствий сложных отношений автора, публики и медиа стало то, что авторские имена стали брендами, помогая издателям прогнозировать продажи перед лицом непредсказуемых рыночных сил [Glass, 2016]. Свежее исследование героев и героизма в британской литературе в духе конструктивизма предлагает монография под редакцией Корте и Лесбридж [Korte and Lethbridge, 2017].

Трансфер из героя в селебрити и обратно в наши дни явление привычное и коммерчески востребованное. Новости о «деяниях» селебрити, распространяющиеся в медиа, — любопытный и часто комический эрзац мифологизированных героических деяний. Но и своего рода миссия, добровольно принимаемая селебрити, быть настоящим гражданским героем, послом мира, омбудсменом — тоже явление не редкое. Поле *Celebrity Studies*, активно развивающееся последние десятилетия, насчитывает десятки работ, сближающих знаменитостей и героев, в особенности, подчеркивающих «полубожественный» и «культовый» статус знаменитостей как, например, в работе Уорда *Gods Behaving Badly: Media, Religion, and Celebrity Culture* [Ward, 2011].

Наконец, научная саморефлексия заставляет нас поставить, пожалуй, самый болезненный вопрос в связи с тем, кто говорит о героях. Он связан с представлением об интеллектуальной непогрешимости и невероятной прозорливости представителей научной и философской элиты. Среди интеллектуалов, размышляющих о героях, Ницше, Вебер, Фрейд, Юнг, Берлин, и соблазн разделять широкую публику, часто не прибегающую к критическому мышлению, и интеллектуалов, напротив, скандирующих о своей аналитической позиции, вполне объясним. Однако политические диктаторы были не только популярны среди своего народа, но вызывали восхищение у высокообразованных и идеалистически мыслящих западных интеллектуалов. Не только склонность к абстрактным размышлениям и обобщениям, но и «профессиональные» идеалы (совпадающие с «высокими» целями, философско-политическими и социальными намереньями, провозглашаемыми диктаторами) сыграли решающую роль в отношении к герою-диктатору для таких мыслителей как Мартин Хайдеггер, Эрик Хобсбаум, Антонио Грамши, Дердь Лукач, Луи Альтуссер, Поль де Ман, Сьюзен Сонтаг, Жорж Батай и Славой Жижек [Hollander, 2016]. Объектами политического поклонения интеллектуалов в разное время были, в частности, Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун, Кастро и Уго Чавес. Робеспьер, Че Гевара и Мао Цзэдун, к примеру, — восхищают Жижека, философа-селебрити и публичного интеллектуала, именно в качестве выразителей его собственных грез об «утопических взрывах человеческого воображения» и «эмансипации мысли». Показательно,

что, говоря о культурной революции, Жижек видит в ней «элементы разыгравшейся утопии» и «последний поистине великий революционный взрыв двадцатого века».

Даже краткий обзор современных подходов к герою указывает на первостепенное значение того, кто о нем говорит — простой человек или представитель определенного научного сообщества, дисциплинарного поля, национальной исследовательской традиции.

Наши вопросы о герое и героическом были адресованы профессиональным историкам из России и Великобритании, имеющим разные политические взгляды и заметно отличающиеся методологические подходы. Мы считаем, что в контексте появляющейся «науки о героизме» начала XXI в., за становлением которой мы сейчас наблюдаем, академический взгляд историка должен существенно углубить понимание феномена героя и предложить избегающую идеалистических грез хорошо взвешенную научную позицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Allison S.T., Goethals G.R. Heroes: What they do and why we need them. New York: Oxford University Press, 2011.

Allison S.T., Goethals G.R. Heroic leadership: An influence taxonomy of 100 exceptional individuals. New York: Routledge, 2013.

Allison S.T., Goethals G.R., Kramer R.M. Handbook of heroism and heroic leadership. New York: Routledge, 2017.

Allison S.T., Smith G. Reel heroes & villains. Richmond, VA: Agile Writer Press, 2015.

Brombert V. In Praise of Antiheroes: Figures and Themes in Modern European Literature. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

Boorstin D.J. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America. New York: Simon & Schuster, 1961.

Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Efthimiou O. The search for a hero gene: Fact or fiction? // *Heroism Science*. 2015. № 1. Pp. 1–6.

Franco Z.E., Zimbardo P.G. The banality of heroism // *Greater Good*. 2006. № 3(2). Pp. 30–35.

Franco Z.E., Blau K., Zimbardo P.G. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism // *Review of General Psychology*. 2011. № 15(2). Pp. 99–113.

Frye N. Anatomy of Criticism: Four Essays. Princeton: Princeton University Press, 1957.

Glass L. Brand Names: A Brief History of Literary Celebrity. // *A companion to celebrity*. Edited by P. David Marshall and Sean Redmond. Chichester: John Wiley & Sons, 2016. Pp. 39–58.

- Goethals G.R., Allison S.T. Making heroes: The construction of courage, competence and virtue // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2012. № 46. Pp. 183–235.
- Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm, 2004.
- Griffin R. *Modernism and Fascism: The Sense of Beginning under Mussolini and Hitler*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Hollander P. *From Benito Mussolini to Hugo Chavez: Intellectuals and a Century of Political Hero Worship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Hook C. *The Hero in History*. New York: John Day Company, 1943.
- Hourihan M. *Deconstructing the hero: literary theory and children's literature*. New York: Routledge, 1997.
- Izod J. *Myth, Mind and the Screen. Understanding the heroes of our times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Kinsella E.L., Ritchie T.D., Igou E.R. Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes // *Frontiers in Psychology*. 2015(a). №6. Pp. 1–12.
- Kinsella E.L., Ritchie T.D., Igou E.R. Zeroing in on heroes: A prototype analysis of hero features // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015(b). № 108. Pp. 114–127.
- Kohen A. *Untangling heroism: Classical philosophy and the concept of the hero*. New York: Routledge, 2015.
- Korte B., Lethbridge S. *Heroes and Heroism in British Fiction Since 1800*. Palgrave Macmillan, 2017.
- Krieken van R. *Celebrity Society*. London: Routledge, 2012.
- Vogler C. *The Writer's journey: Mythic structure for Writers*. Studio City, CA: Michael Wiese Productions, 2007.
- Walker L.J. Moral personality, motivation, and identity // M. Killen and J. G. Smetana (Eds.) *Handbook of moral development* New York: Psychology Press, 2014. Pp. 497–519.
- Walker L.J., Frimer J.A. Moral personality of brave and caring exemplars // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. № 93. Pp. 845–860.
- Ward P. *Gods Behaving Badly: Media, Religion, and Celebrity Culture*. London: SCM Press, 2011.

REFERENCES

- Allison S.T., Goethals G.R. *Heroes: What they do and why we need them*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Allison S.T., Goethals G.R. *Heroic leadership: An influence taxonomy of 100 exceptional individuals*. New York: Routledge, 2013.
- Allison S.T., Goethals G.R., Kramer R.M. *Handbook of heroism and heroic leadership*. New York: Routledge, 2017.
- Allison S.T., Smith G. *Reel heroes & villains*. Richmond, VA: Agile Writer Press, 2015.

- Brombert V. *In Praise of Antiheroes: Figures and Themes in Modern European Literature*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Boorstin D.J. *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*. New York: Simon & Schuster, 1961.
- Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Efthimiou O. The search for a hero gene: Fact or fiction?, in *Heroism Science*. 2015. № 1. Pp. 1–6.
- Franco Z.E., Zimbardo P.G. The banality of heroism, in *Greater Good*. 2006. № 3(2). Pp. 30–35.
- Franco Z.E., Blau K., Zimbardo P.G. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism, in *Review of General Psychology*. 2011. № 15(2). Pp. 99–113.
- Frye N. *Anatomy of Criticism: Four Essays*. Princeton: Princeton University Press, 1957.
- Glass L. Brand Names: A Brief History of Literary Celebrity, in *A companion to celebrity*. Edited by P. David Marshall and Sean Redmond. Chichester: John Wiley & Sons, 2016. Pp. 39–58.
- Goethals G.R., Allison S.T. Making heroes: The construction of courage, competence and virtue, in *Advances in Experimental Social Psychology*. 2012. № 46. Pp. 183–235.
- Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm, 2004.
- Griffin R. *Modernism and Fascism: The Sense of Beginning under Mussolini and Hitler*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Hollander P. *From Benito Mussolini to Hugo Chavez: Intellectuals and a Century of Political Hero Worship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Hook C. *The Hero in History*. New York: John Day Company, 1943.
- Hourihan M. *Deconstructing the hero: literary theory and children's literature*. New York: Routledge, 1997.
- Izod J. *Myth, Mind and the Screen. Understanding the heroes of our times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Kinsella E.L., Ritchie T.D., Igou E.R. Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes, in *Frontiers in Psychology*. 2015(a). №6. Pp. 1–12.
- Kinsella E.L., Ritchie T.D., Igou E.R. Zeroing in on heroes: A prototype analysis of hero features, in *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015(b). № 108. Pp. 114–127.
- Kohen A. *Untangling heroism: Classical philosophy and the concept of the hero*. New York: Routledge, 2015.
- Korte B., Lethbridge S. *Heroes and Heroism in British Fiction Since 1800*. Palgrave Macmillan, 2017.
- Krieken van R. *Celebrity Society*. London: Routledge, 2012.
- Vogler C. *The Writer's journey: Mythic structure for Writers*. Studio City, CA: Michael Wiese Productions, 2007.

Walker L.J. Moral personality, motivation, and identity, in M. Killen and J.G. Smetana (Eds.) *Handbook of moral development*. New York: Psychology Press, 2014. Pp. 497–519.

Walker L.J., Frimer J.A. Moral personality of brave and caring exemplars, in *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. № 93. Pp. 845–860.

Ward P. *Gods Behaving Badly: Media, Religion, and Celebrity Culture*. London: SCM Press, 2011.

Я – герой. Скажите мне, какого романа...

А.Е. Иванеско

I Am a Hero. Tell Me What a Novel...

A.E. Ivanenko

1. Герой *своего* времени – экстраординарная личность, человек-символ или типичный представитель своей эпохи?

Сама формулировка вопроса отсылает нас к культурной ситуации современной эпохи, когда возникают особые способы институциализации персон в качестве героев. Если попытаться дать в таком контексте определение ключевого понятия дискуссии, то герой своего времени – это особый социокультурный тип личности, воплощенный в конкретном образе, который превращается для одного или нескольких поколений в символическую величину и задает (прямо или опосредованно) идейные ориентиры, нравственные и эстетические предпочтения, поведенческие паттерны. В его основе может быть реальный человек («от Адама до Ван Дамма»), но также вымышленный (Д'Артаньян, Василий Тёркин) или собирательный персонаж (Неизвестный солдат).

Образ героя задается дискурсом, в который он вписан, подобно тому, как роль литературного персонажа определяется, в первую очередь, замыслом автора, нередко – прямо отраженным в названии. Так, название произведений «Хаджи-Мурат» или «Фома Гордеев», очевидно, свидетельствует о том, кого автор считает главным героем – несмотря на все споры литературоведов по данному поводу.

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, aivanesko@sfedu.ru.

Ivanenko Anton E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, aivanesko@sfedu.ru.

Такое конструктивистское понимание героизма отнюдь не отменяет факта существования иных его исторических форм. Неоднократно предпринимались попытки определить признаки «героя на все времена», чей ореол не тускнеет со временем и одинаков для всего человечества. Пожалуй, в этих поисках одним из наиболее удачных определений стала версия С.Л. Утченко: «В истории человечества встречаются такие личности, которые... проходят затем... через всю доступную нашему взору смену эпох и поколений... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства... Условие лишь одно: ощутимый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия» [Утченко, 1972, с. 3]. Слабой стороной такого аксиологического определения, конечно, является наша способность описать в универсальных категориях и оценить этот «ощутимый вклад».

Пограничное положение между этими способами видеть героическое занимают романтические концепции «национального героя», где референтная группа оказывается национальным сообществом. Герой у Г.В.Ф. Гегеля становится воплощением национального духа, а его сверхусилия получают особую санкцию и смысл: «призвание всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» [Гегель, 1935, с. 30].

Наконец, существует архаический тип героизма. Эти герои, подобно классическим древнегреческим персонажам (Геракл, Тесей, Одиссей, Орфей, Дедал и пр.), жили в особый героический век, предшествующий веку людей. Они — не бессмертны (лишь некоторые получили этот дар «за особые заслуги») и не всемогущи, они — гиперболла человеческих возможностей: физической силы, ума, таланта провидца, мастерства. Сущность архаического героизма в том, что он является вмененной функцией: герои избавляют мир от чудовищ, устанавливают законы, дарят людям культурные блага в сюжетно необходимой последовательности. В этих образах заключается исток героического как такового. Неслучайно существует понимание исторической биографии как модифицированного «мифа о герое» [Кизюков, 2000, с. 130–131].

С учетом сказанного можно вернуться к исключительности или типичности «героев своего времени», которые, очевидно, одновременно и экстраординарны, и типичны. Галерея «лишних людей» русской литературы XIX в. (Чацкий / Онегин / Печорин etc.) представлена персонажами, которые, с одной стороны, нетипичны для своего времени, они находятся, как писал о своем персонаже А.С. Грибоедов, «в противуречии с обществом», их поведение девиантно, а нравственное и даже душевное здоровье — для окружающих под вопросом («Он не в своем уме...»). С другой стороны, они своим присутствием в художественном тексте, а их прототипы — в обществе, словами и поступками обозначают объективно идущую радикальную смену социальной и культурной ситуации — неизбежное наступление «века нынешнего», героями которого они являются. И в этом своем качестве они вполне типичны.

2. Герой, лидер общественного мнения, харизматик, не-герой, анти-герой — каковы смысловые демаркации между этими понятиями, и в какой мере их подвижность зависит от изменчивости социокультурного контекста (возможно ли выделение некоего «сухого остатка», архетипических представлений о героизме, свойственных всем культурам и цивилизациям без исключения)?

На мой взгляд, понятия «герой», «не-герой», «антигерой» и, с другой стороны, «лидер общественного мнения» и «харизматик» относятся к разным таксономическим уровням. Последние — частная и узкая версия первого ряда, это конкретные типы героев современного общества и поздней современности. «Лидер общественного мнения», если иметь в виду концепцию П. Лазарсфельда, возникшую в середине XX в. — персонаж медийной эпохи. В современном значении понятие «харизматик» вполне применимо к политикам-популистам XX в., но это также узко по времени и сути.

С учетом сказанного в ответе на предыдущий вопрос, герой — это персонифицированная версия коллективных надежд, представлений и самоидентификаций, а также проекция общественных страхов. Социокультурный контекст — главное, что делает героя таковым. В художественном мире «Божественной комедии» Данте Брут — мерзкий предатель, который пребывает вместе с Иудой и Кассием в последнем круге ада, а в стихотворении К.Ф. Рылеева «Гражданин» Брут находится в уважаемой компании с испанским национальным героем Р. Риго и является борцом с деспотизмом — для декабристов 1820-х гг. Брут как символическая фигура значит вовсе не то же самое, что для флорентийцев и венецианцев 1320-х гг.

Модерный герой всегда есть герой-для-кого-то, а не герой «вообще», его статус конвенционален. Дискретность социального пространства определяет специфические эффекты процесса социализации: «Личность формируется, главным образом, благодаря современным интеллектуальным веяниям и течениям, свойственным специфической социальной группе, к которой она принадлежит... она никоим образом не подвержена влиянию духа времени в целом, ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в специфической социальной среде» [Мангейм, 2000, с. 51]. В конечном итоге, герой — продукт коммуникаций по поводу героического в рамках своего «родного» социального объединения.

В таком случае, понятие не-героя утрачивает содержание: это просто персонаж, не обладающий символическим потенциалом и потому невостребованный в процессе производства героического.

Реальной функциональной парой в вопросе является оппозиция герой — антигерой. Эта оппозиция имеет архаические истоки, и в этом смысле архетипична. Герой и антигерой наследуют паре культурный герой — трикстер архаического фольклора (То Кабинана и То Карвуу, Сослан и Сырдон). В современной массовой культуре во многих аспектах происходит возврат к мифологическим истокам культуры, в том

числе в аспекте производства героического. Универсальное воплощение современного героя — это Супергерой, который, как и герой древнего мифа, отличается от просто человека своей природой, поскольку наделен сверхспособностями. Супергерой (протагонист), Злодей (антагонист главного героя) и антигерой (Дэдпул, Каратель, Росомаха) отстраивают довольно простую драматическую конфигурацию комикса, но без участия антигероя она была бы просто примитивна.

Этимологически др.-гр. ρως «герой» — это «доблестный муж», «предводитель». И архетипические представления о героизме, которые «зашиты» в любом конкретном образе, — это воинская доблесть героя, его способность защитить свое сообщество, свой дом, свою честь. Он совершает поступки, которые опознаются некоторым сообществом как героические действия — как подвиги, и в этом он обнаруживает свою героическую сущность. Видимо, главный признак подвига — самоотречение героя и его готовность к самопожертвованию.

3. Важна ли (и если да, то почему?) темпоральная составляющая в восприятии и осмыслении феномена героизма? В чем состоят наиболее существенные отличия современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных»?

Временная перспектива в осмыслении феномена героизма столь же важна, как и контекст референтной для героя группы. Социальная и культурная ситуация эпохи, которая выражает себя через образ «героя своего времени», исторически подвижна и изменчива. Предельно кратко и точно эта мысль была выражена А. Вознесенским в стихотворении, посвященном В. Высоцкому: «Какое время на дворе — таков мессия».

Глубокую зависимость от меняющегося во времени социокультурного контекста можно хорошо проиллюстрировать на примере образа одного из ключевых героев российского исторического нарратива — Александра Невского, который в разных дискурсах национальной идентичности предстает в широком диапазоне ролей — от родоначальника династии Московских царей до «приспешника новгородского торгового капитала» в раннесоветский период и «борца» за конкурентоспособность отечественного маргарина в рекламном дискурсе постсоветской России [Шенк, 2001, с. 148–152, 158–160]. Причем во втором случае Александр Невский выступает в качестве антигероя — классового врага нового культурного и политического порядка.

Наиболее существенные отличия современной ситуации с героями заключается в радикально расширившемся репертуаре героических образов. В домодерных обществах существует совершенно иная иерархия авторитетов, которая представлена, в основном, венценосными особами и святыми. Модерные и постмодернистские ипостаси героев гораздо многочисленнее: полководцы, философы, литераторы, революционеры, ученые, законодатели мод, кинодивы, спортсмены, поп-исполнители, эксперты, бизнесмены, журналисты, телеведущие, дизайнеры, гуру здорового

образа жизни, модели, иконы стиля и супергерои. Цифровая эпоха в современной культуре добавила в этот (очевидно, неполный) перечень еще и блогеров, звезд Instagram, твиттер-политиков и телеграммеров. И все они – герои, в том смысле, что могут представлять собой символическую величину, значимую для некоторого сообщества.

Если занимать морализаторскую позицию, то общая тенденция заключается в девальвации героического: от правителей и воинов до it-girls и фуд-блогеров, от прорицателей до звезд телешоу, от героического Дедала до «попсового» Илона Маска. Другой вопрос, что разные конкретные типажи героев в различные эпохи все еще готовы жертвовать, но, если так можно выразиться, разными ресурсами: одни готовы расстаться с жизнью (герои-воины, герои-подвижники, герои-бунтари), другие – расходуют свои творческие силы (герои-художники, герои-ученые) или материальные блага (герои-бизнесмены).

4. Можно ли говорить о некоторой специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов?

Полагаю, что есть основная говорить о такой специфике, но не о радикально других процессах и механизмах формирования отечественного героического пантеона. Она имеет довольно глубокие исторические корни, связанные с особенностями формирования в России секулярной культуры, автономной от государства и церкви, в рамках которой и происходит появление новых публичных персон, свойственных современной эпохе. Далее все эти литераторы, общественные деятели и ученые вклиниваются в существующую иерархию авторитетов, а затем формируют собственные иерархии.

В России появление секулярной культуры происходит существенно позже, чем в обществах Европы и Северной Америки: по сути, этот процесс завершается только в рамках большевистского проекта, причем при доминировании государства. Соответственно, в России символический капитал государственных мужей и святых имел и имеет в процессе создания галереи героев сравнительно большее значение. Показательны в этом отношении образы революционных мучеников и подвижников, нарративы которых выстраиваются в соответствии с канонами агиографического жанра.

Недоартикулированность и узость сферы публичной политики делает политизированными все иные сферы общественной жизни в России. Отражением этой ситуации является и пантеон национальных героев, места в котором прочно зарезервированы за князьями, императорами, партийными вождями и реформаторами.

Наконец, специфика российского понимания героизма заключается в привязанности к боевому нарративу, акцентированной воинской трактовке героичности.

Все эти черты российской исторической памяти наглядно демонстрируют итоги крупных общенациональных проектов, связанных со сферой символической политики: «Имя Россия» и «Великие имена России». В топе общего рейтинга проекта «Имя Россия» достойную конкуренцию полководцам и государственным деятелями (Александр Невский, Столыпин, Сталин) смог составить только А.С. Пушкин (4-я позиция), культ которого как героя-литератора всегда активно поддерживался тем же государством [Имя Россия].

Результаты проекта «Великие имена России» дают более сложную и дифференцированную картину. Тем не менее, 6 аэропортов, вероятно, по итогам конкурса получают имена правителей, 4 – полководцев и флотоводцев. К государственному и военному дискурсу примыкают имена «отца» советской атомной бомбы И.В. Курчатова, конструкторов С.П. Королева и А.Н. Туполева, не говоря уже о летчиках-испытателях, летчиках-истребителях и летчиках-космонавтах (В.К. Коккинаки, А.И. Покрышкин, А.П. Маресьев, А.Т. Севастьянов, П.А. Истомин) [Великие имена России].

5. Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» – симптом потребности в общественно-политических изменениях и/или часть современной культуры ностальгии? Кто «герой *вашего* времени»?

Целый ряд академических проектов последнего времени, действительно, наглядно демонстрирует интерес к герою и его времени. В частности, это крупная конференция «Герой нашего времени: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности», организованная издательством НЛО и Европейским университетом в Санкт-Петербурге (1–3 июня 2018 г.).

Интенсификация этой дискуссии обусловлена, по моему мнению, несколькими обстоятельствами. Во-первых, мощным интеллектуальным трендом антропологизации гуманитарного знания во второй половине XX в., в том числе в форме обращения к человеческому измерению прошлого в академической и публичной истории. Этот тренд не только задавал множество новых направлений, по-разному вписывающихся в большой антропологический поворот (исследование памяти, эмоций, тела, повседневности), но и побуждал переосмыслить понимание истории как повествования о *res gestae*, человеческих деяниях, которое находилось у истоков европейского историописания. Соответственно, в фокусе исследования нередко оказывалась героическая личность и личность вообще – конкретный человек, его индивидуально поведение, культурное принуждение и его собственный выбор. Эту ситуацию наглядно демонстрирует устойчивая популярность новой биографической истории [Репина, 2009]. Но рефлексия по поводу того, «каков мессия» – это всегда рефлексия относительно того, «какое время на дворе»: предметом биографии как историографического жанра всегда является жизнь отдельного человека, но изучать ее можно только в контексте социальной и культурной ситуации его времени.

Во-вторых, настойчивые поиски новых героев (или реактуализация «старых») можно рассматривать и как симптом усталости российского общества от тягучей политической повседневности с набором одних и тех же медийных лиц, как своего рода перенаправленный запрос на общественно-политические изменения.

В-третьих, на эту проблему можно посмотреть и в еще более широком контексте – господства массовой культуры. В ее рамках доминантой является не производство смыслов, а продажа развлечения, способов удовольствия. Герои (например, в варианте вымышленного супергероя, стерильного и лишённого отрицательного шлейфа подлинного исторического лица) – это легко коммерциализируемые образы, которые производятся и потребляются в массовом количестве и приносят большую прибыль. Главное условие успеха – рассказ о них (в любом виде и жанре искусства) должен соответствовать определенным повествовательным и техническим стандартам. В известной степени реализация супергероев – это продажа не только зрительского удовольствия, но альтернативных самоидентификаций.

Множественность героев не делает их бесконечными: источники коммерциализируемых образов ограничены (это реальное социальное прошлое и литература), типовые сюжеты немногочисленны. Поэтому «культура сиквелов» рождает реплики уже бывших ранее героев, перепаковывает их и снова продает. В какой-то момент это порождает кризис аутентичности героев, и публика испытывает ностальгию по временам, когда история была «большой», а герои – «настоящими».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Великие имена России. URL: <https://великиеимена.рф/results> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 14-ти т. Т. 8. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 468 с.

Имя Россия. Исторический выбор 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru> (дата обращения – 10 февраля 2019 г.).

Кизюков С.В. Типы и структура исторического повествования. М.: Мануфактура, 2000. 143 с.

Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.

Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории: вместо предисловия // В тени великих: образы и судьбы: Сб. научных статей / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2009. С. 5–18.

Утченко С.Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1972. 289 с.

Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263 – 1998) // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 141–164.

REFERENCES

- Velikie imena Rossii* [Great Names of Russia]. Available at: <https://великиеимена.рф/results> (accessed 10 February 2019) (in Russian).
- Hegel G.W.F. *Filosofija istorii* [Philosophy of History], in Hegel G.W.F. *Sochinenija v 14-ti tomah* [Works in 14 volumes] Vol. 8. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1935. 468 p. (in Russian).
- Imja Rossija. Istoricheskij vybor 2008* [Name of Russia. Historical choice 2008] Available at: <http://www.nameofrussia.ru> (accessed 10 February 2019) (in Russian).
- Kizjukov S.V. *Tipy i struktura istoricheskogo povestvovanija*. [Types and Structure of Historical Narration]. Moscow: Manufaktura Publ., 2000. 143 p. (in Russian).
- Mannheim K. Problema pokolenij [The Problem of Generations], in Mannheim K. *Očerki sociologii znanija: Problema pokolenij. Sostjazatel'nost'. Ekonomicheskie ambicii* [Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competitiveness. Economic Ambitions]. Moscow: INION RAN Publ., 2000. Pp. 8–63 (in Russian).
- Repina L.P. Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoj istorii: vmesto predislovija [From Historical Biography to Biographical History: Instead of the Preface], in *V teni velikih: obrazy i sud'by: Sbornik nauchnyh statej* [In the Shadow of the Greats: Images and Destinies: Collection of Scientific Articles]. Ed. by L.P. Repina. Sankt-Petersburg: Aletejja Publ., 2009. Pp. 5–18 (in Russian).
- Utchenko S.L. *Ciceron i ego vremja* [Cicero and His Time]. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 289 p. (in Russian).
- Schenk F.B. Politicheskij mif i kollektivnaja identichnost': mif Aleksandra Nevskogo v rossijskoj istorii (1263–1998) [Political Myth and Collective Identity: Alexander Nevsky's Myth in Russian History (1263–1998)], in *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. Pp. 141–164 (in Russian).

Путешествия советского героя

А.И. Савин

Soviet Hero's Travels

A.I. Savin

1. Герой *своего* времени — экстраординарная личность, человек-символ или типичный представитель своей эпохи?

Исследователи неоднократно отмечали многозначность (эклектичность) термина «герой», особенно в контексте русскоязычного дискурса. Здесь я адресую всех интересующихся к литературе, в том числе к рецензии М.В. Субботиной и И.В. Троцук на «Тысячеликого героя» Дж. Кембелла и «Появление героя» А.Л. Зорина, где они подробно анализируют «многозначность и смысловую неустойчивость понятия “герой”» [Субботина, Троцук, 2017; Кэмпбелл, 2017; Зорин, 2016]. Не вижу смысла повторять работу, прекрасно проделанную коллегами. Лишь отмечу, что уже в самом вопросе заложена темпоральность. Так сформулировать вопрос мог только современный человек. Например, для древних греков ни одно из данных выше определений героя не подходило бы, поскольку для них герой — это прежде всего полубог, совершающий подвиги. Не случайно Александр Македонский так настаивал на своей божественности — иначе его титул «героя» оказался бы под сомнением. Если же порассуждать на примере Л.И. Брежнева, то человек-символ и типичнейший представитель эпохи далеко не всегда является экстраординарной личностью [Savin, Dönninghaus, 2016].

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского Отделения РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, a_savin_2004@mail.ru.

Savin Andrey I., Candidate of Science (History), Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, a_savin_2004@mail.ru.

2. Герой, лидер общественного мнения, харизматик, не-герой, анти-герой – каковы смысловые демаркации между этими понятиями, и в какой мере их подвижность зависит от изменчивости социокультурного контекста (возможно ли выделение некоего «сухого остатка», архетипических представлений о героизме, свойственных всем культурам и цивилизациям без исключения)?

Если говорить об архетипических представлениях о герое, актуальных для всех времен, то общепризнано, что речь идет о герое-цивилизаторе (культурном герое, герое-демиурге) и герое-жертве, павшем «ради общего блага». Герой всегда антитеза обывателю. Главным героем модерна, или, по меньшей мере, эпохи Просвещения, был, без сомнения, герой-гражданин, возложивший свою жизнь на алтарь отечества. Как здесь не вспомнить незабвенного «Господина Н.Н.» Михаила Щербакова:

*«Не возник в тебе ни второй Вольтер,
ни, тем более, Робеспьер...
А служил бы ты в юнкерах, мон шер, –
офицер бы стал, например.*

В тайном обществе словеса бы плёл
о монархии и добре.
Ну, а там – как знать – и войска бы вёл
на Сенатскую, в декабре.

Проявил бы пыл, за других скорбя,
доказал бы, что гражданин.
И тотчас же враз – под арест тебя,
в каземат тебя, в рavelин!»

Гораздо интереснее порассуждать о смысловых демаркациях между героями и антигероями, когда в зависимости от изменения социокультурного контекста они могут даже меняться ролями. Причем грань между героем и антигероем иногда крайне тонка. Здесь опять обращусь к стихотворному жанру – стихотворению «Кучер Его Превосходительства», которое приобрело широкую популярность в России после покушения Ивана Каляева на великого князя Сергея Александровича в 1905 г. Кучер обращается с просьбой к эсеровским боевикам: «Я исполнен беспокойства / За грядущий мой удел.../ Нет ли бомб такого свойства, /Чтоб остался кучер цел?» [цит. по: Гейфман, 1997, с. 377]. Пока эсер-террорист пользовался револьвером и ставил на кон только свою жизнь и жизнь объекта покушения, он был для общества героем-мучеником. Но, как только револьвер сменила бомба, герой превратился в антигероя, убийцу невинных людей. Герой-тираноборец (герой-цареубийца) вряд ли найдет нишу почитания в официальном пространстве не только классической монархии, но и современного авторитарного государства.

3. Важна ли (и если да, то почему?) темпоральная составляющая в восприятии и осмыслении феномена героизма? В чем состоят наиболее существенные отличия современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных»?

Темпоральная составляющая крайне важна, потому что именно она наполняет конкретным содержимым конструкт, который мы именуем «геройским» и «героическим». Если под «модерном» понимается историческая эпоха Просвещения, начиная с Нового времени и заканчивая XX в., то для меня совершенно очевидны три наиболее существенных отличия современных героев.

Во-первых, плодом Просвещения стала секуляризация героя. Атеизм и наука совершенно вытеснили или сделали маргинальным само понятия монашеского подвига, заключавшегося в бегстве от мира. Религиозный подвижник, отшельник, столпник — все это лишь артефакты для западной цивилизации эпохи «модерна». Немногим более витальным остался тип героя-мученика, пострадавшего за свои религиозные убеждения, но и здесь речь идет скорее о воспоминании, но не о подражании и воспроизводстве этого типа поведения. «Смерть бога», одного из супероснований, в трактовке экзистенциалистов превратила в героя современного человека, который находит в себе силы жить достойно, несмотря на бессмысленность бытия.

Во-вторых, это демократизация героя. Демократизация героя связана как с социальными и общественно-политическими процессами, превратившими современные армии в лифт социальной мобильности, что позволяло выслужиться человеку из низов, демонстрирующему недюжинный героизм на поле боя. Важную роль здесь сыграло появление государственных наградных систем и учреждение всеобщих знаков отличия, которые визуально репрезентировали обществу героев. Появление символических наград знаменовало формирование плеяды официально признанных героев. Вхождение в «клуб» героев выступало эрзацем пожалования земель, возведения в рыцарское достоинство и денежных вознаграждений (хотя и модерное государство как правило связывает символические знаки отличия с материальными предпочтениями).

В-третьих, важнейшим элементом героического конструкта эпохи модерна стал феномен, который Г. Мюнклер назвал «нарративно-литературным удвоением» героя [Münkler, 2007]. Речь здесь идет о той роли, которую средства массовой информации, в первую очередь газеты, радио, кинематограф и литература сыграли в течение последних 100 лет в канонизации героев и создании мифа героев, в трансформации истории в мифологию, без чего немислимо возникновение героического культа. Время героев стало также и временем широчайшей манипуляции общественным сознанием под давлением государства. В качестве иллюстрации обращусь к Советскому Союзу. Л. Фейхтвангер писал в 1937 г.: «Несомненно, основным тоном Советского Союза и по сегодняшний день остался тон героический, способный увлечь художника [...] Но я не могу себе представить, чтобы героические

темы заняли такое огромное место в книгах, фильмах и театрах, если бы это не поощрялось всеми средствами со стороны руководящих организаций. Несомненно, писателю, рискнувшему отклониться от генеральной линии, приходится не очень легко» [Фейхтвангер, 1937, с. 22]. Размах «литературного удвоения» дошел в СССР в конце 1930-х годов до того, что для прославления героев были задействованы даже такие архаичные формы словесного творчества, как былины.

4. Можно ли говорить о некоторой специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов?

Безусловно можно и необходимо. Возьму на себя смелость пуститься в короткий экскурс, посвященный специфике советского героизма. Как и все остальные «измы», советский героизм и советские герои обладали определенными архитипичными чертами, но специфика доминировала. Так, классический домодерный герой, как правило, рождается в некоем сакральном месте, что играет значительную роль в его становлении. Советский Союз изначально позиционировался таким сакральным местом, рождающим героев. Ведь СССР был родиной пролетариата, который, цитирую Н.И. Бухарина (1931 г.), «в героическом труде и героической борьбе завоевал себе историческое право на всемирную победу» [Бухарин, 1932, с. 34]. Вот еще одно определение героя «борьбы наших дней» от Бухарина – «ее герой – угнетенные массы человечества, их организованный пролетарский авангард» [Бухарин, 1932, с. 176]. Причины эгалитаристской трактовки советского героя Хайке Хауманн объясняет тем, что в 1920-е гг. были сильны настроения против героизации отдельных персон, против создания «красных икон», вместо этого на роль героев предлагались трудящиеся массы, целые рабочие коллективы [Haumann, 2007, p. 15]. Несмотря на появление в годы Гражданской войны первых тысяч «официальных» героев – кавалеров ордена Красного Знамени, вплоть до начала 1930-х годов господствовала эгалитаристская точка зрения, согласно которой героями были все трудящиеся, вступившие в борьбу с «эксплуататорами», или, как пелось в «Марше красных конников» (1920 г.), «Мы беззаветные герои все».

Главным типажом советского героя в годы гражданской войны стал «герой-мученик», «герой-жертва». Именно в такой роли «герой» присутствовал в советском дискурсе. Например, в торжественной речи Ф.Э. Дзержинского, посвященного пятилетию ВЧК, говорилось: «ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе» [20 лет, 1938, с. 23]. В свете эгалитарного отношения к героизму показательна история с кампанией переименований, развернувшейся в СССР после смерти В.И. Ленина – без сомнения, главного советского героя революции и гражданской войны. Несмотря на десятки тысяч ходатайств граждан, «присвоение имени Ленина [...] как система» было отвергнуто. Итоги «ленинских» переименований оказались более чем скромными – Петроград был переименован в Ленинград, Симбирск – в Ульяновск, город и станция Александерполь Закавказской ж.д. – в город и ж.д. станцию Ленинанкан, Петроградское шоссе было переименовано в Ленинградское, а также все станции Петроградского железнодорожного узла,

носившие наименование «Петроград» – в Ленинградские. Кроме того, имя Ленина было присвоено в феврале 1925 г., после долгой волокиты, Румянцевской Публичной библиотеке [Савин, 2015]. Наряду со здравым бюрократическим смыслом (избежание путаницы и высокая цена вопроса) свою роль сыграло также нежелание, создавать из усопшего вождя «красную икону». Достаточно было одного мавзолея.

Эгалитаризм в отношении к героизму был практически устранен в начале 1930-х гг., когда в СССР начался, по словам Катрионы Келли, период превознесения и празднования собственных достижений, где четко персонифицированные герои были призваны наглядно воплощать собой успехи советской державы [Келли, 2009, с. 17]. Тогда же типаж героя-мученика уступил место герою-созидателю, герою – деятелю, который, хотя и совершает свои подвиги с риском для жизни, совсем не обязательно должен погибнуть. Впрочем, «героический» эгалитаризм еще вернется в брежневскую эпоху.

Специфический характер героизма образца 1930-х гг., этой наиболее романтической эпохи советских героев, во многом диктовался сочетанием социальной архаики советского общества и технического модерна. Неслучайно главными сталинскими героями 1930-х гг. стали летчики, то есть люди, эксплуатировавшие наиболее сложную технику, воплощавшую технический прогресс «страны Советов». Именно летчики были любимцами Сталина. В апреле 1938 г. вождь заявил: «Люблю я летчиков. И должен прямо сказать – за летчиков мы должны стоять горой [...] Больше всего я уважаю участников гражданской войны – людей старшего поколения и летчиков – представителей нового поколения» [Невежин, 2011, с. 420]. Можно с полным правом возразить, что почитание и прославление летчиков как главных героев «этого времени» было мировым трендом, стоит только вспомнить имена Чарльза Линдберга или Амелии Эрхарт. Однако, помимо «сращения с машиной» (где стоимость машины зачастую равнялась или перекрывала стоимость человеческой жизни) советский герой характеризовался в первую очередь архетипической милитантностью, его подвиг заключался в борьбе с внешними и внутренними врагами. Специфика советского героизма заключалась также в том, что государство сознательно использовало его как эффективное средство манипулирования и мобилизации масс, а также социальный лифт.

Сочетание механизированности, милитантности и массовости составляло основу архаики советских героев, которые были в первую очередь «персонами», через которые наиболее выпукло выражало себя время. Индивидуальность у этих героев заменялась советской идентичностью. В результате «государственный героизм» становился маской, которую мог примерить на себя каждый. Эта черта советских героев была тонко подмечена М.М. Пришвиным, который, как свидетельствуют его дневники 1930-х годов, много размышлял о феномене советского героизма. В первую очередь Пришвина поражала именно эта утрата героями 1930-х годов своей индивидуальности в пользу общественной идентичности. Так, 9 октября 1933 г. Пришвин писал: «Этот современный “герой” вроде летчика Водопьянова: сам по

себе он ничто, но его посылают лететь, и он геройски расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать [...] Во что бы то ни стало, к чему бы то ни было пристать. И так он пристаёт к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо» [Пришвин, 2009, с.309].

Пришвин вновь и вновь возвращался в своих дневниках к теме «государственной индивидуальности» советских героев. 25 июля 1936 г. он записал: «Стахановец или герой Сов. Союза мало чем в существе своем отличаются от природы: у муравьев есть подобная черта, наверно: это государственная индивидуальность, а мы хотим индивидуальную личность. Ни герой, ни изобретатель самолета еще не личность, потому что “герой”, достигнувший такого положения тем, что “покрыл” 9 тыс. км, предполагает следующего героя, который покроет его рекорд. Наоборот, личность не может перекрыть другую личность, потому что личность неповторима» [Пришвин, 2010, с. 272]. Таким образом, общий тип советского героя 1930-х годов, по мнению Пришвина, представляли собой обезличенные «механизированные герои и орденосные личности», с душой, затянутой в «коричневой коже», которые «за кожей и шумом пропеллеров» ничего не видят и не слышат — «ни детей, ни цветов, ни музыки» [Пришвин, 2010, с. 685]. Что же касается трудовых подвигов, то они традиционно рассматривались как ипостась подвига военного, о чем в первую очередь свидетельствует милитантный дискурс, где речь шла о «битве за урожай», «штурме на уголь», «сражении за пятилетку» и т.п.

Как уже отмечалось выше, с того момента, когда государство вводит свою наградную систему, очерчивая круг официально признанных героев самим фактом награждения, трактовка героя государством и обществом могут как совпадать, так и радикально расходиться. Как это не прозвучит парадоксально, советский героизм эпохи Великой Отечественной войны все еще практически не изучен. В общественной памяти доминирует исключительно героический дискурс, и любые попытки критически исследовать тему советских героев и советского героизма времен войны воспринимаются, цитируя одну диссертацию, как «дегероизация» и «девальвация подвига, что ведет к принижению, осмеянию и забвению людей, отстоявших и приумноживших богатство и славу государства российского» [Смирнов, 2011]. Очевидно, ни власть, ни общество пока не готовы с «холодной» головой обсуждать эту тему.

Поэтому выскажу только два общих соображения о специфике советского военного героизма. Первое. В годы военного лихолетья между обществом и властью сложился консенсус во имя победы над врагом. Граждане Советского Союза действительно демонстрировали неподдельный массовый героизм на фронте и в тылу. Но можно также предположить, что мобилизационная функция героизма выросла в годы войны многократно, в результате героические подвиги бойцов и командиров на протяжении всей войны компенсировали просчеты и ошибки военного руководства, а труженики тыла восполняли своим героизмом дефициты советской

экономики. Второе. Советская наградная система в годы войны пережила существенное расширение. Всего орденами и медалями СССР за 1941–1945 гг. было награждено около 13,5 млн. человек. Массовость награждений военного времени внесла решающий вклад в формирование концепта «героического советского народа», на основании которого немногим позднее была выстроена брежневская индустрия награждений.

Что же касается послевоенного периода «путешествий советского героя», то это путешествие завершилось, если пользоваться формулировкой А. Гениса и П. Вайля, трансформацией героизма в «фактор народнохозяйственного плана» [Вайль, Генис, 2001, с. 136]. Такая трансформация стала следствием массовой героизации трудовой деятельности граждан как наиболее эффективного способа мотивации к труду в условиях отказа от репрессий как средства принуждения.

Трудовой героизм был призван переломить негативные тенденции в экономике, ставшие следствием «уровнировки» и отчуждения работников от средств и результатов труда. Таким образом, «трудовой подвиг» все больше становился обыденным, повседневным явлением, для его совершения теперь достаточно было соблюдения трудовой дисциплины. Маркером повседневной рутинности трудового героизма стала настоящая индустрия награждений, созданная в брежневское время, когда из года в год орденами и медалями СССР награждались сотни тысяч человек. Дракон погрузил зубы в свой собственный хвост, кольцо замкнулось, место «беззаветных героев» заняли «герои», которые считали, что «в жизни всегда есть место подвигу».

5. Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» – симптом потребности в общественно-политических изменениях и/или часть современной культуры ностальгии? Кто «герой *вашего* времени?»

По определению Г. Мюнклера, современное западное общество является постгероическим обществом, которое испытывает «тоску по герою» [Münkler, 2007]. На фоне сегодняшних героев – идиолов поп-культуры, звезд кино и шоу-бизнеса, герои прежних эпох «были героичней, битвы – кровопролитней, победы – грандиозней». Современное российское общество здесь не является исключением. Властные элиты России испытывают большой соблазн, сделать советских, в первую очередь сталинских, героев частью легитимации и культурного наследия современной России. Это вполне объяснимое желание, Современному российскому обществу действительно необходимы герои, на которых его граждане могли бы ориентироваться и с которыми они могли бы себя идентифицировать. Однако в своем стремлении рассматривать советских героев и феномен советского героизма как неотъемлемую часть истории современной России, российским элитам необходимо также совершенно четко понимать и осознавать роль героического мифа в становлении сталинизма и неразрывно связанные с ним стратегии манипуляции обществом. Перефразируя Пришвина, пришла пора «за кожей и шумом пропеллеров» «увидеть детей и цветы» и «услышать музыку». Хотелось бы, чтобы современное российское общество научилось видеть героизм и находить героев вне архетипических

рамок — например, в лице инвалидов, у которых нет другого образа жизни, кроме как быть героем, чтобы отстоять свое человеческое достоинство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.: Госполитиздат, 1938. 64 с.

Бухарин Н. Этюды. М.-Л., 1932. 352 с.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 2001. 358 с.

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 445 с.

Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009. 312 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб: Питер, 2017. 352 с.

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х–1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. СПб.: Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.

Савин А.И. «Село Душегубово переименовать в село Солнцево» Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918–1930-е годы) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 183–238.

Смирнов С.Ю. Трансформации образа героя в сознании российского общества: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук. М., 2011. 189 с.

Субботина М.В., Троцук И.В. Феномен героизма: две 'хронологические' интерпретации. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 420–435.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М: Худ. лит., 1937. 119 с.

Haumann H. «Held» und «Volk» in Osteuropa. Eine Annäherung // *Osteuropa* 57. 2007. Heft 12. S. 15.

Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften // *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken.* Hg. von K.-H. Bohrer und Kurt Scheel. Bd. 61. 2007. H.8/9. S. 742–752.

Savin A., Dönninghaus V. Der Generalsekretär. Leonid Breschnews Persönlichkeit im Spiegel seiner „Arbeitstagebücher“ // Von Historikern, Politikern, Turnern und anderen. Schlaglichter auf die Geschichte des östlichen Europa. Festschrift für Detlef Brandes zum 75. Geburtstag. Hrsg. von D. Neutatz, V. Zimmermann. Leipzig, 2016. S. 225–242.

REFERENCES

- 20 let VCHK-OGPU-NKVD [20 years of the Cheka-OGPU-NKVD]. M.: Gospolitizdat, 1938. 64 p. (in Russian).
- Bukharin N. *Etyudy* [Sketches]. M.-L., 1932. 352 p. (in Russian).
- Vayl' P., Genis A. *60-ye. Mir sovetskogo cheloveka* [60th. The world of the Soviet man]. M.: NLO, 2001. 358 p. (in Russian).
- Geyfman A. *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [The Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917]. M.: Kron-Press, 1997. 445 p. (in Russian).
- Zorin A.L. *Poyavleniye geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII–nachala XIX veka* [The appearance of the hero: from the history of Russian emotional culture of the late XVIII–early XIX century]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 568 p. (in Russian).
- Kelli K. *Tovarishch Pavlik. Vzlet i padeniye sovetskogo mal'chika-geroya* [Comrade Pavlik. The rise and fall of the Soviet boy-hero]. M.: NLO, 2009. 312 p. (in Russian).
- Kempbell Dzh. *Tysyachelikiy geroy* [Thousands Hero]. SPb.: Piter, 2017. 352 p. (in Russian).
- Nevezhin V.A. *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kniga pervaya. Bol'shie kremlevskie priemy 1930-h–1940-h gg.* [Feasts of Joseph Stalin. Volume 1. Grand Kremlin Receptions of 1930s–1940s]. M.: Novyj hronograf, 2011. 560 p. (in Russian).
- Prishvin M.M. *Dnevniki. 1932–1935* [Diaries. 1932–1935]. SPb.: Rostok, 2009. 1008 p. (in Russian).
- Prishvin M.M. *Dnevniki. 1936–1937* [Diaries. 1936–1937]. SPb.: Rostok, 2010. 992 p. (in Russian).
- Savin A.I. "Selo Dushegubovo pereimenovat' v selo Solntsevo" Sovetskiye pereimenovaniya kak sposob koadaptatsii vlasti i obshchestva (1918–1930-ye gody) ["Rename the village of Dushegubovo into the village of Solntsevo" Soviet renaming as a way of co-adaptation of power and society (1918–1930s)], in *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka. Sbornik nauchnykh statey* [Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the XX century. Collection of scientific articles]. Novosibirsk: Parallel', 2015. Pp. 183–238 (in Russian).
- Smirnov S.Yu. *Transformatsii obraza geroya v soznanii rossiyskogo obshchestva: sotsial'no-filosofskiy analiz: dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk* [Transformations of the hero's image in the consciousness of Russian society: a socio-philosophical analysis: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences]. M., 2011. 189 p. (in Russian).
- Subbotina M.V., Trotsuk I.V. Fenomen geroizma: dve 'khronologicheskiye' interpretatsii [The phenomenon of heroism: two 'chronological' interpretations], in *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2017. T. 17. № 3. Pp. 420–435 (in Russian).
- Feykhtvanger L. *Moskva 1937. Otchet o poyezdke dlya moikh druzey* [Moscow 1937. Trip report for my friends]. M: Khud. lit., 1937. 119 p. (in Russian).
- Haumann H. „Held“ und „Volk“ in Osteuropa. Eine Annäherung // *Osteuropa* 57. 2007. Heft 12. S. 15 (in German).

Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften, in *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*. Hg. von K.-H. Bohrer und Kurt Scheel. Bd. 61. 2007. H.8/9. S. 742–752 (in German).

Savin A., Dönninghaus V. Der Generalsekretär. Leonid Breschnews Persönlichkeit im Spiegel seiner „Arbeitstagebücher“, in *Von Historikern, Politikern, Turnern und anderen. Schlaglichter auf die Geschichte des östlichen Europa. Festschrift für Detlef Brandes zum 75. Geburtstag*. Hrsg. von D. Neutatz, V. Zimmermann. Leipzig, 2016. S. 225–242 (in German).

«Запечатлел своей смертью любовь и преданность Родине...»

Д.Г. Симонов

“His Death Was a Proof of Faithful Serving to His Motherland...”

D.G. Simonov

1. Герой *своего* времени — экстраординарная личность, человек-символ или типичный представитель своей эпохи?

Герой нашего времени — понятие из русской классической литературы. В какой степени литераторам удавалось создавать типичных представителей своих эпох — большой вопрос. Для XIX в. Онегин, Печорин или Обломов — отнюдь не типичны. У этих литературных персонажей мало общего с подлинными символами своего времени — Денисом Давыдовым, Павлом Пестелем или Петром Чаадаевым. Придуманый Л.Н. Толстым образ Платона Каратаева весьма далек от реального русского крестьянина, который без излишних рефлексий поднимал на вилы и ненавистного помещика во времена пугачевщины, и французского солдата во времена наполеоновского нашествия. Герои соцреализма, такие как Павел Корчагин или Василий Теркин, в своем созвучии эпохе скорее превзошли своих предшественников из века девятнадцатого. В пору писать обширный реферат на предмет коннотаций словосочетания «герой нашего времени» в художественной литературе и реальной жизни. Если же говорить о герое нашего времени как типичном представителе современной эпохи, то здесь мы неминуемо столкнемся с массой сложностей в поисках одного-единственного типажа.

Симонов Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института истории Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1, simonov_dg@mail.ru.

Simonov Dmitry G., Candidate of Science (History), Deputy Director for Research, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Russian History Department, Novosibirsk State University, 1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russia, simonov_dg@mail.ru.

2. Герой, лидер общественного мнения, харизматик, не-герой, анти-герой – каковы смысловые демаркации между этими понятиями, и в какой мере их подвижность зависит от изменчивости социокультурного контекста (возможно ли выделение некоего «сухого остатка», архетипических представлений о героизме, свойственных всем культурам и цивилизациям без исключения)?

Для меня, как специалиста по военной истории, главная ипостась героизма – это военный подвиг, подвиг на поле брани. Любой подвиг в той или иной степени является проявлением торжества духа над материей, духовного над материальным. Военный подвиг – это всегда преодоление, возвышение над земным, стремление ввысь. Как здесь не вспомнить эскадрон из булгаковской «Белой гвардии», который в полном составе с обозами, приставшими по пути бабами, «сапогами и шпорами» напрямик марширует в рай.

Не случайно среди героев, образы которых закрепились в массовом историческом сознании, наблюдается явное преобладание моряков, летчиков, космонавтов – людей, совершивших подвиги вне земной поверхности. Атака безымянной высоты, гибель на безымянной высоте – устойчивые образы массового героизма русских солдат в Первую и Вторую мировые войны. Егоров и Кантария, водрузив знамя Победы над куполом Рейхстага, в буквальном смысле этого слова возвысились над городом Берлином. Во всем мире памятники героям устанавливаются на самых высоких участках земной поверхности. Герой и Возвышение составляют само понятие героизма.

В этом контексте интересен образ высоты в «военных» песнях Владимира Высоцкого. В «Звездопаде» уровень пафоса соответствует смерти героя: «Нам говорили: “Нужна высота! И не жалеть патроны! Вон покатилаcь вторая звезда вам на погоны”... Звезд этих в небе, как рыбы в прудах, хватит на всех с лихвою... Если б не насмерть, ходил бы тогда тоже героем». В «Высоте» поэт понижает уровень пафоса, вместо героической атаки – «мы все лезли толпой на нее, как на буфет вокзальный». Но это понижение пафоса ничуть не снижает ценность высоты как образа самой войны: «А может ее стороной обойти, и что мы к ней прицепились?! Но, видно, уж точно все судьбы-пути на этой высотке скрестились». Высоцкому вторил официальный хит советских времен – «У безымянного поселка, на безымянной высоте». Здесь доминирует уже безымянность подвига и военного героизма – один из распространенных в мире концептов героизма. В послевоенном СССР образ неизвестного солдата – героя («Имя твоё неизвестно. Подвиг твой бессмертен»), с одной стороны, был близнецом безымянных героев, увековеченных в бронзе в по всему миру (всего в мире насчитывается около 40 таких памятников), с другой имел советскую специфику – учитывая массовость жертв и миллионы погибших и пропавших без вести, в том числе в немецком плену, он давал возможность родным и близким солдат и офицеров, не вошедших в официальный круг героев, идентифицировать их с «Неизвестным солдатом».

Подлинные герои всегда имеют ярко выраженную национальную окраску, тем не менее военный героизм наднационален. В мировой военной истории немало примеров, когда победители с воинскими почестями хоронили своих врагов, отдавая дань уважения их подвигам, даже совершенных во имя чужого отечества.

3. Важна ли (и если да, то почему?) темпоральная составляющая в восприятии и осмыслении феномена героизма? В чем состоят наиболее существенные отличия современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных»?

Каждый герой является символом своей эпохи, но военный героизм не только наднационален, он также имеет вневременной характер. Любой военный подвиг в исторической памяти есть иллюстрация незыблемых принципов. Подвиг трехсот спартанцев царя Леонида, как и подвиг «Варяга» — «никогда не сдаваться врагу», подвиг панфиловцев — «стоять насмерть за Отечество». Не случайно в русских наградных документах времен Первой мировой войны в отношении награждаемых посмертно писали: «Запечатлел своей смертью любовь и преданность Родине». В этом отношении не столь уж важно, было панфиловцев 28 или 29, каждый ли из них персонально совершил подвиг. Это эпический образ, за которым — тысячи бойцов и командиров 316-й стрелковой дивизии, которые вместе с ее командиром генерал-майором И.В. Панфиловым пали смертью храбрых.

Героический пантеон есть часть исторической памяти, которая формируется государством в рамках официальной идеологии. Говоря о государстве, мы подразумеваем высшую форму организации общества, но отнюдь не бюрократическую надстройку над обществом. Власть и общество — суть две стороны медали. Со сменой государственной идеологии как правило происходит трансформация героического пантеона. В современной России это проявляется в том числе в попытках дегероизации Гражданской войны. Высказывается и широко транслируется мнение, что в братоубийственной гражданской войне не было правых и виноватых, а поэтому и не может быть и подлинных героев. Однако обратим внимание — под какими лозунгами воевали белые и красные. Красные — за победу мировой революции, белые — за единую и неделимую Россию. Разве единство собственного государства не является непреходящей ценностью для подавляющей части российского общества? Примечательно, что последние тридцать лет все больше публицистов и исследователей Гражданской войны обращают свое внимание прежде всего на историю Белого движения, прямо или косвенно возрождая и формируя заново героические образы его вождей, возвращая их имена в общенациональный героический пантеон.

4. Можно ли говорить о некоторой специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов?

Хочу порассуждать на эту тему на примере феномена героического эпоса. Героический эпос — неотъемлемая часть любой национальной культуры. Он

является базисом для формирования национальной идентичности, трансляции этических норм и установок, действующих в обществе. В европейских странах и в России он формировался на протяжении многих веков. В этом контексте феноменом является практически мгновенное (по историческим рамкам) возникновение американского героического эпоса. В момент создания единого национального государства на базе колоний, имея в виду многонациональный состав населения, имеющего в своем бэкграунде разные исторические и культурные традиции, новое государство понимало необходимость формирования единой идеологии, базой которой мог стать именно героический эпос. В Соединенных Штатах он был сформирован на протяжении около ста лет с помощью средств массовой информации, в первую очередь публикациями на военно-историческую тематику, и во вторую очередь – комиксами, создавшими пантеон супергероев, призванных спасти от внешней угрозы страну или мир в целом. Если российский героический пантеон состоит из реальных людей, то американский в значительной степени представлен фантастическими персонажами. Но во всех культурах герой – богатырь/супермен воспринимается как защитник.

Кроме того, в характерных/базовых чертах «героев» явно проступают ментальные особенности народов, проявляющиеся в этических, деловых и прочих человеческих качествах. Если в СССР это был труженик-бессребреник, отдающий всего себя служению народу, то в США в этот же период – человек, сделавший себя сам (self-made man), прежде всего добившийся финансового успеха. Американские миллионеры, поднявшиеся со дна на вершину жизни, воспринимались обществом как герои, становились «иконами» массовой культуры.

5. Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» – симптом потребности в общественно-политических изменениях и/или часть современной культуры ностальгии? Кто «герой *вашего* времени?»

Оживление дискуссии вокруг феномена «героя нашего времени» есть в том числе проявление запроса общества к власти на формирование официальной государственной идеологии с соответствующей системой этических координат. Лозунг сохранения единства России, являющийся одним из идеологических постулатов, сегодня используется как форма без содержания и вызывает вопрос не только о том, в каких территориальных пределах должно существовать и развиваться наше Отечество, но и о том, к какому отечеству апеллирует наша историческая память. Для кого-то это Российская империя в границах 1914 г., для кого-то – Советский Союз в границах 1945 г. или РСФСР в границах 1991 г. В результате за рамками пантеона остаются герои многих войн, которые Россия вела в XVIII–XX веках. Не совсем понятно – какое значение для современной России имели победы Русской армии в Прибалтике, на Балканах, в Закавказье и Средней Азии, если сейчас – это территории других государств. Пока мы не определимся, что есть Россия во времени и пространстве – у нас не получится сформировать современный пантеон героев.

«Модерное общество и культ героев. Как буржуазная эпоха породила “героизм”»

К.Р. Кобрин

“Modern Society and the Cult of Heros. How Bourgeois Epoch Gave Birth to ‘Heroism’ ”

K.R. Kobrin

1. Герой *своего* времени — экстраординарная личность, человек-символ или типичный представитель своей эпохи?

Давайте уточним терминологию. Дело в том, что указанные в вопросе три социокультурные роли не являются взаимоисключающими; наоборот, они отчасти пересекаются, порой сильно совпадают. Скажем: «типичный представитель эпохи». Обычно такое определение прилагают к историческим деятелям относительно недавним, собственно, начиная с Нового времени (ну или Ренессанса, это каких хронологических рамок придерживаться). Например: «Наполеон Бонапарт — типичный представитель своей эпохи». Так ли это? Конечно! Он действительно типичный представитель эпохи Революции, когда способ мышления, характерный для Века Просвещения, такой крайний галльский рационализм XVIII в. смешался с нарождающимся романтизмом, национализмом и проч. Невозможно одно отделить от другого в Робеспьере или Сен-Жюсте — беспощадная математическая логика гильотинного террора в одном коктейле с «Отечеством в опасности».

Кобрин Кирилл Рафаилович, кандидат исторических наук, редактор журнала «Неприкосновенный Запас», приглашенный профессор Сычуаньского университета (КНР), kirill.kobrin@gmail.com.

Kobrin Kirill R., Candidate of Science (History), Editor of Intellectual Journal 'Neprikosnovenny Zapas', Visiting Professor at Sichuan University (PRC), kirill.kobrin@gmail.com.

«Отечество»! Мог ли такое провозглашать Вольтер, Дидро или даже Руссо? Нет. Именно эта Революция породила Наполеона, который не только ее завершил, он ее — во всех смыслах этого слова — *воплотил*. Рационализм его военных и административных талантов (Наполеон — отец современной французской бюрократии) *versus* крайний патриотизм/национализм его внешней политики и вера в свой гений. Заметим, что и слово гений — тоже продукт чистого романтизма. Получается, что Наполеон как раз *типичен* для своей эпохи. Но это вовсе не исключает его экстраординарности, которая заключается как раз в том, что оставаясь в рамках мыслительной парадигмы своей исторической эпохи, он многое угадал, придумал — и попытался тут же реализовать. Да, он проиграл свою персональную игру — и не мог не проиграть, будучи маньяком, — но он выиграл историческую игру. Европа — по крайней мере, континентальная Европа, ее западная и центральная части — покоятся на его наследии, от «Гражданского кодекса» до идеи создания надклассового общественного сентимента для поддержки диктаторского авторитарного режима. Маркс писал о «бонапартизме» Луи Наполеона, но не племянник его избрал, а дядя.

Что касается третьего термина, «человек-символ», то эта категория уже чисто ретроспективная, предполагающая рефлекссию с символизацией, производимую потомками, пусть и ближайшими по времени. Вообще возможность такого понятия, как «человек-символ эпохи» возникла лишь в эпоху романтизма — предыдущие способы мышления, предыдущие, выражаясь языком Фуко, эпистемы такого не предполагали вовсе.

2. Герой, лидер общественного мнения, харизматик, не-герой, анти-герой — каковы смысловые демаркации между этими понятиями, и в какой мере их подвижность зависит от изменчивости социокультурного контекста (возможно ли выделение некоего «сухого остатка», архетипических представлений о героизме, свойственных всем культурам и цивилизациям без исключения)?

Опять-таки, все это понятия и термины из совершенно разных смысловых и исторических рядов. До Трельча, до рубежа XIX–XX вв. слово «харизма» и производные от него (редкие, надо сказать) значили совсем другое и из другого контекста (христианского, мистического и проч.) Слияние академического жаргона и языка медиа, начавшееся в прошлом столетии, а сейчас достигшее апогея (все эти «знаковые события» в прессе — и как это далеко от тартуских «Трудов по знаковым системам» с их поисками универсального *научного* кода!) — вот что наводнила речь странными непережеванными терминами, которые значат лишь то, чего хочет в данный момент говорящий — или ничего не значат. Иными словами, от «изменчивости социокультурного контекста», о котором говорится в вопросе, зависит не подвижность между понятиями, а сами эти понятия. Это главное. Я за самую радикальную и решительную историзацию всего тезауруса в данном разговоре — иначе все превращается в статью в глянцевого журнала или в лекцию на «Арзамасе». Что касается «сухого остатка», так сказать, архетипического общего

знаменателя, то это вопрос, скорее, к исторической антропологии и к *religious studies*. Раз уж мы тут вспомнили семиотику — семиотик, структуралист, модернист в гуманитарных областях знания, он скажет, что да, конечно, есть такая архетипическая роль. Историк поставит под сомнение термин «архетипический», справедливо указав на историко-культурные обстоятельства происхождения юнгианства, а затем переведет разговор на Дюмезиля с соответствующими выводами уже чисто прикладного характера (Дюмезиль — фашист и проч.) Так что, честно говоря, я не могу делать вид, что данное понятие можно употреблять «невинно», как бы чистым от идущего за ним шлейфа. Точно так же, к примеру, и другое слово из вопроса: «анти-герой». Оно немисливо без гегелевской философии (тезис и антитезис), без Кьеркегора (герой «Дневника соблазителя» — типичный анти-герой, который не перестает быть «героем»), конечно, но, на самом деле, главную роль в распространении его сыграли медиа прошлого столетия с их попытками быть одновременно моралистами (ведь главная задача медиа — раздавать этические оценки и поддерживать социальную иерархию, выдавая ее за моральную) и имморалистами (надо же интересничать, иначе не купят!). И вот в паре «герой *versus* злодей» последнего сменяет «антигерой», который лучше злодея, привлекательнее; даже в самом слове отсутствует корень «зло», зато есть корень «герой», пусть и «анти». Злодей — за пределами романтического сознания — чаще всего неинтересен; антигерой как раз наоборот. Ни одного из душегубов домодерного прошлого антигероем не назовешь; зато начиная с XIX в. их пруд-пруди. «Антигерой» амбивалентен, — и тем самым привлекает внимание. Он — *sexu*, он — *cool*, капризная поп-звезда.

Наконец, в русском языке слово «героизм» хоть и происходит от «героя», но значительно снижает планку, которую держали древнегреческие атланты, титаны и прочие, планку, которую так высоко поняли герои раннего и высокого христианства. Только подставьте для примера слово «героизм» к слову «Прометей». «Героизм Прометея» — сразу становится тошно. «Героизм Людовика Святого» — еще хуже. «Герой» не производит «героизма», «героизм» не является функцией героя по умолчанию. Герой совершает героические поступки, они есть акты, дискретные действия; героизм же — это аура, облако, окутывающее обывателя с высокими побуждениями. Героизм — порождение буржуазной эпохи.

3. Важна ли (и если да, то почему?) темпоральная составляющая в восприятии и осмыслении феномена героизма? В чем состоят наиболее существенные отличия современных (в широком социокультурном смысле этого слова) представлений о героях и публичных личностях от «домодерных»?

Точно также, как в буржуазную эпоху изобрели «анти-героев» и «героизм», одним из главных изобретений ее стал «культ героев» сам по себе. Понятно, что это результат секуляризации; во многом «герои» заменили «святых» и «подвижников». Но не это главное, на самом деле. Главное — то, что появляется тип общественного сознания, важной частью которого становятся «герои», механизм конструкции и воспроизводства этого культа. «Демократическая эпоха» — и

особенно популизм — а также рыночная экономика требует «героев» в качестве оправдания собственной непривлекательности, банальности, приземленности. То, что в современном культе героев осталось от функций героев домодерных эпох — это способность своим примером поддерживать существующую иерархию и порядок вещей, ставя ее под сомнение собственным поведением. Заметьте: ставя под сомнение, но не уничтожая. Самый мощный пример такого рода сознания — Шекспир. Его герои часто — настоящие герои домодерного времени; они порой творят не только ужасные, но и совершенно необъяснимые дела, порой они страшно привлекательны (Гамлет, к примеру), но все кончается тем, что преподав урок, герои Шекспира гибнут, а жизнь остается такой, как была. Или, если посмотреть на реальных исторических персонажей того же времени — король Генрих Наваррский. Он, казалось бы, нарушил многие из установлений своего времени, остался в национальной исторической памяти как «король всех французов» и как воплощение религиозной толерантности — но ведь именно он трансформировал власть в сторону ее усиления, заложив основы того, что потом столь беспощадно делал Людовик XIV. Что касается героизма — см. выше.

4. Можно ли говорить о некоторой специфике процессов и механизмов формирования отечественного пантеона героев в сравнении с культурными традициями иных стран и народов?

В России до 1917 г., во-первых, невозможно говорить о секуляризации общественного сознания в той же мере, как это было во Франции, Германии и так далее. Более того, ресурс христианского подвижничества и даже святости был не только не исчерпан, он, кажется приобрел некоторые политические обертона. В стране, где не было — официально — общественной и политической среды, где не существовало — опять-таки, официально — общественно-политической дискуссии (я, в основном говорю о периоде до «великих реформ»), где подавляющая часть населения была неграмотной, в такой стране неизбежно герои смешивались со святыми и подвижниками. История с Серафимом Саровским — классический пример. Несмотря на официозные обертона такого рода культов, российская власть не могла не чувствовать угрозы от них исходящих — ведь православная церковь была институцией прежде всего государственной, бюрократической, но эти герои — самой своей жизнью — ставили такую роль в иерархии под вопрос. Но, как я уже сказал выше, поставив под вопрос эту роль, они ее же и укрепляли; это были исключения, подтверждающие правило. Вторая особенность России здесь — культ (в определенных кругах, конечно) героев-революционеров, культ, в котором опять-таки сильны мотивы христианского подвижничества и святости. Разве «хождение в народ» — отчасти не подвиг христианского подвижничества, милосердия и сострадания к «социально-малым» мира сего?

Ну и, конечно, удивительный совершенно культ героев-литераторов, начиная с Пушкина — и так до Достоевского и Толстого. И вновь здесь очевидно — подобного рода герои, которые как бы становятся «голосом и совестью нации», или,

более осторожно, «голосом общества» возможны лишь там, где почти начисто отсутствует публичная политическая сфера. Нечто похожее, конечно, можно наблюдать за пределами русской культуры, но эти героические культы, хоть и интенсивны, но значительно слабее и, главное, значительно ограниченнее — Гете в Германии, Мицкевич в Польше, Гюго во Франции. Отдельно, конечно, стоит фигура Гарибальди; его интересно было бы рассмотреть как своего рода смешение черт космополитичных авантюристов XVIII в. и героев борьбы за национальную независимость, национальных революционеров последующего столетия.

5. Оживление дискуссии вокруг феномена «герой нашего времени» — симптом потребности в общественно-политических изменениях и/или часть современной культуры ностальгии? Кто «герой *вашего* времени»?

Мне крайне тяжело отвечать на этот вопрос, прежде всего потому, что я живу сразу в нескольких странах, не смотрю телевизор и практически не присутствую в соцсетях. То есть, я, с одной стороны, не могу сам прочувствовать тот контекст, в котором запросы на «героев» формируются. Именно «прочувствовать», ибо «культ героев» основан на сентименте, на эмоции, и здесь важно если не разделять этот сентимент, то быть им окруженным. С другой стороны, совершенно очевидно, что сегодняшний «культ героев» есть главное порождение — и главный источник могущества — поп-культуры. Без этого фактора никакой разговор о «героях нашего времени» в наше время невозможен. Дело не в том, что поп-культура как бы «транслирует» этот культ — нет, она его формирует и поддерживает, ибо она на нем стоит. В этом смысле не поп-культура является инструментом современной политики, а политика есть одна из функций поп-культуры как гигантского, почти необъятного рынка. Поп-культура — и способ поддержания неолиберального порядка вещей в мире, и, одновременно, цель самой себя.

Даже «ностальгия», ставшая общим сентиментом нынешней эпохи в немалой части нашего мира, есть сегодня феномен чисто поп-культурный. Прежде всего, уже несколько десятилетий сама поп-культура не то, что «одержима ретроманией», нет, сама ее природа стала ретроманиакальной (об этом — прекрасная книга Саймона Рейнолдса). Ретромания требует героев, причем героев двух типов. Первые — современные — при всей своей популярности должны быть лишь современной копией поп-героев прошлого: Мадонна была инкарнацией Мэрилин Монро, а Леди Гага — инкарнацией Мадонны, и так далее. Заметим, что с течением времени временная разница между героями первого уровня и второго, а потом и третьего, сокращается; скорость формирования культов героев растет; наконец, некогда общее социокультурное поле дробится на субкультурные наделы, внутри которых работает тот же самый тип производства героев всех уровней. Героев становится все больше и больше; с течением времени, в мире останутся только героини и никого больше — ведь «селфи-культура» как раз о том, что героем является каждый. Эта не «демократизация», а «атомизация» культа героев рождает вполне естественную тоску по времени,

когда героев было мало и они были общими для той или иной культуры или нации. Здесь можно обнаружить один из важнейших истоков националистического популизма наших дней.

«Мы судим героев по меркам их времени или нашего?»

Г. Клеес

“Do We Rank Heros by Standards of Their Time or Ours?”

G. Claeys

1. Hero of *his own* time. Is he the extraordinary personality, symbolic figure or a typical representative of his time?

We need a definition first. A “hero” can be a leading public figure, such as a politician, sports or music star. They are usually known for their extraordinary achievements, but of course it may be the success of advertising and PR which brings this status. These days online “heroes” (YouTube, e.g.) are as well known. They are more “representative” in the sense of being like the majority of people. They are often known for their “celebrity” as such – this concept too is central to any definition. But they are not really “heroes” in the traditional sense of the word. Even “super-heroes” are more heroic insofar as they exemplify some defense of the common person against crime, oppression, and so on. (Think of Batman or Superman.) Thus, they have the traditional warrior virtues as well as a sympathetic disposition and the willingness to assist the helpless and needy. A few key political leaders have achieved world-wide status in the last half century or so – Nelson Mandela, for example. I would stress this category over pop and sports stars, who to my mind do not fit the definition.

Клеес Григори, профессор, преподаватель истории и истории политической мысли Лондонского университета (Великобритания), G.Claeys@rhul.ac.uk.

Claeys Gregory, Professor of the History of Political Thought at Royal Holloway, University of London (UK), G.Claeys@rhul.ac.uk.

2. Hero, public leader, charismatic personality, non-hero, anti-hero. How to differ among them? Does the changeable social and cultural context matter? Is it possible to talk about some archetypal ideas in relation to hero, which are shared in different cultures and civilizations?

The starting-point here has often been Thomas Carlyle's *On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History* (1841). This contends for a genealogy of heroic types which commences with the semi-divine, moves to the prophetic, then to great religious reformers, and finally to more secular figures and the problem of the modern "man of letters" as legislator of intellectual life. The earliest heroes are generally priests or soldiers, or both together, and political leaders, often also soldiers. Carlyle is concerned with defining a new group, the literati, defined in part by intellectual genius, but also representing a new priesthood (akin to Coleridge's clerisy, Comte's new priesthood of the Religion of Humanity, or John Stuart Mill's intellectual elite, constructed around the theory of individuality. The theory of action used by Carlyle also invokes traditional military virtues, and to some degree the model is concentrated on a feudal chivalric ethos.

The model would need to be updated in light of the comments offered above. It is (to my mind) nonetheless extremely suggestive as to how hero-worship works in popular culture – see my comments on "vertical vicarious enhancement" in my *Dystopia: A Natural History*. Much more attention has been given to what Carlyle's "heroes" are and what their "heroic" qualities consist in, by comparison with the element of "hero-worship", which implies the reintroduction of deference in a social model (here see also Edmund Burke; Walter Bagehot; George Cornewall Lewis, *An Essay on the Infl of Authority in Matters of Opinion*, 1849).

3. Is it important to take temporal aspect into account when talking about heroism? If yes, why? What are the most vivid differences (in the broad social and cultural sense) between the contemporary idea of hero and its premodern variant?

Pre-modern heroes relied on the media of their time, and usually the spoken word. The intervention of mass media, first the newspaper press, then radio, then TV, then the internet, alters the model. So does the advent of mass culture as such, especially in the 20th century. With some obvious exceptions (a few generals in the Second World War, like Zhukov) most military figures are not heroes in the later modern period. It is doubtful how far political leaders whose fame is built on a cult of personality (Stalin, Mao) would qualify either. Here I would distinguish between premodern, modern, and later modern to take into account the role played by mass media after c. 1900. The first truly world-historical media personality (and thus "hero") was Charlie Chaplin – simply or chiefly because he was instantly recognisable to millions.

4. Can we talk about any specifics of the formation of Russian pantheon of heroes in comparison with cultural traditions of other countries?

This is too far from my area of expertise. My impression is that literary figures dominate more in Russia than in the UK or the US. There is some convergence of heroic figures

under Bolshevism with those in the west, at least among political and intellectual figures (Marx, Lenin, e.g.).

Can a revitalizing of the discussion around the phenomenon of *hero of his own time* be a symptom of craving for social and political change and/or can it be an element of nostalgia? Who can you name as hero of *your* time?

Figures on whom a great deal of public attention is concentrated always need careful analysis. A recent TV programme in the UK has focused on who the “greatest Britons” have been (I haven’t watched it). Some of this is Brexit-y nostalgia for lost greatness. There is a controversy in Britain at the moment over Winston Churchill, our main leader during World War II, but someone known for his racist and imperialist legacy now as well. This has precisely raises the question of the relativity of standards used in the assessment of such figures – do we rank or rate them by the standards of their time or ours?

My own current hero is Greta Thunberg, the Swedish environmental activist whose “school strike” has now given rise to an international mass movement of protest against inaction over the disaster we face in the coming decades.